

Степан РАТНИКОВ

Родился в 1982 году в Красноярске. Выпускник Красноярского государственного университета. По образованию – филолог-преподаватель, по профессии – журналист, педагог дополнительного образования.

Автор нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Наш современник», «День и ночь», «Енисей» и других. Лауреат всероссийской премии «В поисках правды и справедливости» (2015). Участник всероссийского совещания молодых литераторов СПР в Химках (2022).

Живет в городе Кириши Ленинградской области.

ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

Переехать из Красноярска на юг региона, в старинный город Минусинск, за четыреста с лишним километров от прежнего места прописки, Артёма Тарасова заставила жизнь. Так он сам считал. И в дальнейшем ещё долго уверял себя, дескать, невозможно было как-то иначе избавиться от накопившихся долгов и запятнанной репутации.

После нелепой ссоры с начальником, водившим дружбу с нечистыми на руку людьми, карьера Тарасова резко обрушилась. О премиях ему пришлось забыть сразу же. Через три месяца некогда ценнейшему сотруднику финансового отдела, посмевавшему проявить строптивость, и вовсе подыскали замену. А устроиться в другое место оказалось проблематично: пока подыскивал хоть что-нибудь стоящее – оказался фигурантом уголовного дела. Без уже бывшего начальника не обошлось.

Почти два года Артём Тарасов бегал по судам, выслушивая ложные обвинения. Потратил на адвокатов все свои накопления, после чего вынужденно брал займы то у родных, то у друзей, чтобы продолжить затянувшуюся борьбу с неутомимым мстителем. Свободу сохранил. Однако цена её оказалась слишком высокой.

Потому-то и продал Тарасов свою двухкомнатную в краевом центре, в районе улицы Вавилова, украшенной симпатичными сталинскими пятиэтажками. А взамен купил однокомнатную в самом обычном, какой только можно себе представить, сереньком блочном доме на окраине Минусинска. Там, по крайней мере, уже никто в осунувшегося и слегка поседевшего тридцативосьмилетнего незнакомца пальцем не тыкал и копать в его грязном белье не видел смысла.

Тарасов мог приобрести квартиру и в других городах Красноярского края. Но все они были гораздо меньше Минусинска – как по площади территории, так и по численности населения. Это угнетало Артёма,

который родился и вырос в огромном Красноярске, стоящем на берегах могучего Енисея.

К тому же за годы жизни в региональной столице организм Тарасова настолько привык к загаженному воздуху, что в экологически чистых местах у бедолаги начинала раскалываться голова. Возможно, как-то сказывались и три сотрясения, полученных в юности. В Минусинске же дискомфорта не ощущалось. Хотя в одной лишь старой части этого двуликого города дымоходы частных построек выбрасывали в атмосферу, как могло показаться, ничуть не меньше едкой дряни, чем все красноярские теплоэлектроцентрали.

Найти работу удалось уже через три недели после получения выписки из Росреестра. На зарплату как в городе-миллионнике Артём отныне не рассчитывал. Радовался тому, что хотя бы в офисе не придётся ночевать.

Появилось больше свободного времени. Вскоре Тарасов открыл для себя Минусинский драмтеатр с его волшебными спектаклями и природные уголки Хакасии с её величественными сопками и гидростанциями. Можно сказать, задышал полной грудью, несмотря на закопчённое небо. И впервые за долгие годы задумался о семье, создать которую в Красноярске было то рановато, то некогда.

Возвращаясь с работы домой, Артём Тарасов теперь уже никуда не торопился, как это было раньше. Он словно учился ходить размеренным шагом и смотреть не только под ноги, но и по сторонам, попутно изучая пока ещё малознакомый город и его неспешных жителей. На жительниц, конечно, гораздо чаще обращал внимание. Но никак не мог встретить ту самую, которая разбудила бы в нём чувства, описанные в миллионах книжек и показанные в тысячах фильмов. Да и девушки, чего уж там, неподдельного интереса к нему не проявляли.

Накануне наметившейся осенней командировки в Дивногорск у Тарасова непривычно защемило в груди. Он вспомнил, как одиннадцать лет назад, в самом начале декабря, ездил по экстренному директорскому поручению из Красноярска в Абакан – тогда ещё на личном седане, спустя годы проданном ввиду судебных передраг.

Уже на обратном пути, подъезжая к посёлку Усть-Мана и минуя мост через скованную льдом реку, впадающую в незамерзающий Енисей, Тарасов заметил по левую от себя сторону единственный на всю округу двухэтажный бревенчатый домик на восемь квартир. Стоял он неподалёку от пролежавшей через транспортную переправу железной дороги и соседствовал с многочисленными избами и коттеджами, выглядя несуразно на их фоне. Как жук в муравейнике.

Любопытство взяло верх над Тарасовым. Он свернул за мостом налево и остановился возле жилой постройки, абсолютно нехарактерной для Усть-Маны. Зато вполне обычной, например, для улицы Свердловской на периферии Красноярска или – как уже было известно Артёму теперь, после переезда, – для минусинской Селиванихи, где возле сельского Дома культуры стояла череда точь-в-точь таких же хибар.

Жильцы той двухэтажки на Комсомольской улице, по всей видимости, обогревали помещения самостоятельно. Из труб валил густой дым.

«Зачем он вообще нужен тут, такой инородный и проблемный, если даже отопление не централизованное? Двадцать первый век на дворе как-никак», – подумал тогда о доме Тарасов, после чего перевёл взор в конец той же улицы, где маячила ещё одна двухэтажная деревянная постройка с двадцатью пятью окнами на фасаде.

Школа. Тарасов понял это, когда из здания пулей вылетели три галдевших пацана с портфелями на плечах. Кричала ребятня настолько громко, а бежала настолько быстро, что за соседней оградой бешено залаял пёс. Его потуги поддержали две невесты откуда взявшиеся дворняги, и не на шутку перепуганный Тарасов поскользнулся, подвернув ногу и заскулив по-щенячьи.

Собаки, будто признав в человеке родственную душу, успокоились. Но Тарасову от этого не полегчало. Никому не было дела до корчившегося на снегу незнакомца. Просто потому, что Комсомольская пустовала. Пацаны убежали на Манскую, а дворняги исчезли не менее загадочно, чем минутой ранее возникли. Смеркалось.

Артём уже и не помнил, как возле него появилась Ольга. Она глядела то на него, то на припаркованную рядом машину. Проявила неслышанную заботу, но без труда доведя случайного встречного окольными тропками до невзрачного, но вполне уютного домишки. Тарасов и сам мог идти, но такого чуткого к себе отношения давненько не встречал и, ковыляя напоказ, позволил незнакомке поухаживать за ним.

Ольга соорудила пострадавшему холодный компресс и вкусный ужин. Дальнейшие душевные разговоры под ароматный чай и мало интересовавший парочку концерт на Первом канале перетекли в бурную ночь, и Тарасов сам не понимал, как нашёл в себе силы несколько раз ублажить эту ненасытную, хоть и не шибко-то фигуристую брюнетку, которая была почти на полторы головы ниже, чем он.

«Дурак, зря тогда сбежал, – поймал себя на мысли Тарасов. – Чего испугался-то? Брака? Свободу свою потерять? Или из города навсегда уехать? Вот лопух! Занимался бы с Олей сексом-садом-огородом и в ус не дул. Заодно бы всех этих подстав, судов и понапрасну сожжённых нервов не было. Да уж, знал бы прикуп, жил бы... в Усть-Мане».

В памяти всплыли Ольгины слова, дескать, своему мужику она каждый день готова борщи варить и тапочки подносить, но повсюду слабаки да трусы и каждого из них при одном только упоминании о свадьбе и о жизни в посёлке почему-то вмиг ветром сдувает, всё равно что осеннюю листву. А ведь в Усть-Мане, как уверяла Ольга, очень красиво, спокойно, ещё и дышится легко.

«Может, это и было моё счастье, а я его попросту не разглядел, например, из-за сумерек? Ведь многие мечтают о тихой и размеренной жизни в живописном посёлке, ещё и на стыке двух рек. Даже переключившись за это готовы! А кто-то на чёртовых бетонных коробках зациклен и счастлив, что из квартиры и офиса не вылезает, – накручивал себя Тарасов. – Потому-то и давление скачет. Остался бы насовсем в посёлке, глядишь, и к свежему воздуху привык бы... Интересно, как она нынче? Наведаться бы к ней. Хоть парой слов перекинуться. А там уж – кто его знает».

Он решил, что после согласования в Дивногорске всех рабочих вопросов обязательно съездит в Усть-Ману. Без личного авто, конечно, накладно. Но маршрутки в направлении Красноярска, как выяснил Тарасов, ходили часто. Поэтому можно было успеть смотаться в посёлок, а обратно до Минусинска – уже на ночном междугороднем.

На романтический лад Артёма настроили золотые осенние пейзажи. Он был уверен, что Ольга его вспомнит и между ними, пускай даже не сразу, вновь пробежит искра, обещающая перерасти из банальной интрижки в серьёзные и продолжительные отношения. А если в посёлке жизнь не сложится, то можно будет перебраться в Минусинск.

Или в его окрестности. В ту же Селиваниху или Малую Минусу. Хотя лучше всё-таки в Минусинск. В квартирку – разве что попросторнее нынешней. Чтоб не приходилось ни септик откачивать, ни печку топить, ни горы снега перед домом расчищать.

Выйдя на остановке сразу за мостом, Тарасов попытался ещё раз вспомнить все детали того зимнего денёчка, не ставшего судьбоносным лишь по глупости закоренелого холостяка и незадачливого карьериста. Перебежав, как сорванец, через оживлённую трассу и остановившись за железнодорожным переездом, Артём обнаружил, что школы на Комсомольской уже нет. Да и в целом улица прилично изменилась. Тарасов убедился в этом, несколько минут побродив по окрестностям. Сразу идти к Ольге не решался.

Дом её сильно обветшал, крыша местами прохудилась. На первый взгляд внутри уже никто не жил. Нагрывший гость с необъяснимой тревогой на душе замер возле накренившейся ограды.

– А вам кого?

Девчачий голос за спиной перепугал Тарасова. Он обернулся и увидел перед собой темноволосую курносую девчушку, с любопытством его разглядывавшую.

– Мне? Да так... Ольга, не знаю отчества, здесь живёт?

– Да, мама у меня Оля. А вы кто?

Тарасов не нашёлся, что ответить, и его взгляд устремился вдаль, в глубину видневшихся там гор.

«Похоже, семейная жизнь отменяется», – подумал он и усмехнулся.

– Знакомый я мамин.

– Да? Странно. Я её знакомых хорошо знаю. И то они почти все тётеньки.

– Просто я давний знакомый. Очень давний.

– Одноклассник её бывший? – не спускала с него глаз девчушка.

Молча покачав головой, Тарасов обратил внимание не только на разговорчивость школьницы, но и на её внешний вид. Она была плохонько одета. И на Ольгу совершенно не смахивала. При этом всё-таки сильно ему кого-то напоминала.

– Ладно, я позову маму, – задорно сказала девчушка и, отворив жутко скрипучую калитку, шагнула за ограду.

– Нет, не надо, – всполошился Тарасов. – Да она и не вспомнит.

«Ну точно же! – осенило его. – Баба Саша!»

Школьница, продолжавшая смотреть ему прямо в глаза, была похожа на его собственную бабушку – по отцовской линии.

«Но как такое возможно? Неужели она...» – Тарасов испугался этой мысли.

– А тебе не десять лет случайно? – спросил он.

– Десять, – очевидное волнение проступило уже на лице школьницы.

– А звать как?

– Лена.

– Елена Артёмовна? – уточнил Тарасов, едва заметно задрожав.

– С чего вы взяли? Сергеевна я.

– Ну да, точно, оговорился, – сказал он и мысленно попытался убедить себя в том, что никакого сходства Лены с его бабушкой нет. – А папка-то где твой?

– Не знаю. Где-то в Канске, кажется. Не помню, короче. Да и неинтересно мне. Бросил маму, гад. Как и эти все...

– Которые?

Лена внезапно растерялась:

– А вам-то какое дело? Короче, сейчас маму позову, подождите.

«Неуёмная вы женщина, Ольга Батьковна. Недолго, значит, пережили расставание с опытным экономистом. Гульнули знатно».

– Подожди, – окликнул он Лену, пытаясь отсрочить встречу с хозяйкой дома. – А школа ваша куда делась?

– Школа? Так её же снесли.

– Зато хоккейную коробку рядом воткнули, да?

– Она там уже давно.

– Не замечал раньше. А учитесь вы где теперь?

– Я в Молодёжку езжу. Галька – тоже. Аксинья и Наташка – в

Дивногорск.

– Это... сёстры твои?

– Подружки. Вон с той улицы. А сестрёнок у меня нет.

– Мм, понятно.

– Так что, маму-то звать?

– Маму? Ой, не знаю даже. Столько времени прошло...

– Ладно, стойте здесь. Сейчас позову.

Тарасова охватило чувство неловкости, переходящее в страх. Что сказать Ольге, когда она выйдет? Зачем приехал? Чего хотел?

В нерешительности Тарасов не совсем осознанно и чуть боком отходил от дома в направлении Шоссейной улицы. Стоять на месте не мог. Но и развернуться, резко убравшись прочь, что-то мешало.

«А что если Лена и впрямь... Хотя нет. Всего одна ночь и – сразу?... Впрочем, пускай она даже от какого-то там Сергея. Зато вон какая смышлёная, бойкая, людей вообще не боится. Думаю, мы бы с нейладили. Что мешает нам троим жить долго, дружно и счастливо? Мы ведь с Олей ещё не старые. Чувства у меня вроде как не остыли до сих пор. Вдруг и Оля тоже иногда обо мне вспоминала? Или вспоминает... Нагулялась и ждёт теперь своего принца. Меня! А я, как те самые слабаки да трусы, возьму и сбегу снова? Ну нет! Тогда-то уж точно ничего не узнаю. И буду в своём Минусинске мучиться: а что, а если, а вдруг... Нет, надо всё-таки поговорить. Надо».

Пока Тарасов терзал себя домыслами, одновременно прислушиваясь к гулу проходившей неподалёку электрички, из дома выпорхнули два шальных мальчугана лет пяти. Артём посмотрел на них и подумал: двойняшки. В отличие от Лены, они были очень похожи на Ольгу.

У Тарасова в мозгу будто что-то переключилось. И дом, и улица, и посёлок стали казаться ему чуждыми. Ноги подкашивались – почти как тогда, одиннадцать лет назад. Только уже не столь очевидно. И уже не на Комсомольской, не из-за бродячих собак и гололёда, а под воздействием панической атаки.

Следом за пацанятами из дома лениво вышла угловатая темноволосая баба. Она рыкнула на сыновей, чтоб те не вздумали далеко отбегать от дома, если не хотят схлопотать по заднице.

Это была не та Оля, с которой Артём провёл самую чудесную ночь в своей жизни. В нескольких метрах от себя он увидел женщину, сильно уставшую от быта и людей, внешне потрёпанную и вряд ли кому-то нужную, кроме собственных детей. Хотя на спившуюся не смахивала.

В безотчётном и леденящем ужасе Тарасов развернулся и засеменил в сторону шоссе, постепенно ускоряя шаг и даже не думая оглядываться.

Спустя несколько секунд Ольга посмотрела ему вслед и потерялась в догадках. По походке и росту мужчина напомнил ей Сергея Потылицына – бывшего сожителя, с которым она так и не расписалась за четыре года отношений, но чьё отчество дала своей дочери. А родилась девочка от залётного красноярца, подарившего её маме всего одну ночь, зато горячую и незабываемую.

Лена, спешно дожевывая простецкий бутерброд, вернулась на улицу. Незнакомец уже скрылся из виду.

– Ой, а куда дяденька делся?

– Не знаю, доченька. Испугался, наверное.

– Кого?

– Не кого, а чего. Ответственности. Всех их, доченька, будто ветром сдувает, как только...

– Как только что? – недопоняла Лена.

– Это уже не имеет значения. Ни-ка-ко-го!.. Ты уроки, кстати, сделала?

– Да, сразу же, как из школы приехала. Нам сегодня вообще мало задали. Честно-честно. Можно до Гальки сбежать? На часик.

– Хорошо, моя, беги. Только аккуратнее. И с незнакомцами, я тебе уже много раз говорила, не общайся, – напутствовала Ольга дочку. – Лёшка! Артём! Ну-ка быстро прекратили! В углу давно не стояли? Что за порода такая у вас...

Лена, взявшись напевать модную среди сверстников песню, побежала на соседнюю улицу. Сводные братья школьницы, проказливо помахав ладошками друг у друга перед глазами, синхронно рассмеялись и рванули обратно в дом.

Ольга проводила их взглядом и прислонилась к некрашеной скособоченной оgrade. Массивное тело многодетной матери, ощутив дуновение ветерка, покрылось мурашками. Сухая листва беспорядочно поползла по земле и тихонько зашуршала, словно о чём-то шепча. О чём – Ольга понять не могла.

Тарасов же, стоя на автобусной остановке, и вовсе ничего не слышал, кроме стука собственного сердца. Колотилось оно аритмично, как будто ветер-лихач проник в грудную клетку и гонял по ней жизненно важный орган туда-сюда.

Становилось всё холоднее. Ещё и долгожданная маршрутка до Дивногорска, как назло, пролетела мимо, даже не сбавив скорость.

– Сука! – выругался Артём, провожая микроавтобус гневным взглядом.

– Ничего, сынок, – отозвалась бабулька, сидевшая на лавочке за спиной у Тарасова, – скоро сто второй подойдёт. Он-то всегда останавливается. Не то что эти частники из Красноярска.